

Л. Ф. Касерта

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ
В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АМЕРИКАНСКОГО
АНГЛИЙСКОГО И МЕКСИКАНСКОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

*Государственный университет им. В. Ферриса, г. Биг Рапидс,
штат Мичиган, США*

Аннотация. В статье анализируются русские, американские и мексиканские паремии с точки зрения универсальных и национальных черт. Изучение паремиологического материала проводилось с помощью когнитивно-прагматического анализа, позволившего определить уникальность мировосприятия, а также влияние национальной системы ценностей на формирование женского характера. Цель исследования – выявление универсальных и национальных характеристик женщины в паремиях, характеризующих различные речевые действия. Научная новизна данного сопоставительного исследования заключается в том, что впервые анализируются русские, американские и мексиканские паремии, объективирующие речевые стереотипы поведения и имеющие гендерный компонент. Полученные результаты свидетельствуют о том, что андроцентричность как общий принцип моделирования женского образа находит отражение в каждой лингвокультуре благодаря уникальным национально-языковым способам передачи. Анализ современных паремий продемонстрировал переосмысление традиционного образа женщины в американской лингвокультуре, которое уже зафиксировано в языковом материале. Таким образом, наше исследование определяет общие и национально-специфические характеристики женщины в трех сопоставляемых лингвокультурах и прогнозирует потенциальное изменение национального менталитета на примере американского паремиологического материала.

Ключевые слова: *паремия, лингвокультура, андроцентричность, когнитивная тема, гендер.*

L. F. Caserta

**MODELING THE IMAGE OF SPEECH BEHAVIOR OF A WOMAN
IN PAREMIAS IN RUSSIAN, AMERICAN ENGLISH AND MEXICAN SPANISH**

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Ferris State University, Big Rapids, Michigan, USA

Abstract. The article is analyzing Russian, American, and Mexican proverbs to define their universal and national characteristics. The method of cognitive-pragmatic analysis was used to research paremiological materials. This method of research helps to determine the specifics of a national worldview and the influence of the system of values on the formation of the character of the woman in each culture. The goal of our research is identify some universal and national characteristics of women in proverbs about speech. The scientific novelty of this comparative study is the fact that the paremiology in Russian, American English, and Mexican Spanish that objectivize speech stereotypes and have a gender component. The results of our research demonstrate that androcentricity is a universal principal of modeling the image of a woman; however, each linguistic culture uses its unique ways of realization of the im-

age through language. The analysis of modern American proverbs demonstrates a change of the traditional image of a woman in the American linguistic culture, our research provides evidence of this transition of national mentality. Thus, our research provides some general and specific national characteristics of a woman in the three compared linguistic cultures; forecasts perspective changes in national mentality as exemplified by American paremiological materials.

Keywords: *paremia, linguistic culture, androcentricity, cognitema, gender.*

Введение. Изучение паремиологического материала является одним из доминирующих направлений современной лингвистики. Например, современные исследователи Е. С. Тарасова [18, с. 363–367], Н. Н. Фаттахова [19, с. 122–126], [20], М. А. Кулькова [9], [10], [20] рассматривают язык как когнитивный механизм кодирования, трансформирования и репрезентации знаний, развивают коммуникативный аспект паремиологии. Язык является уникальным средством объективации мыслительной деятельности. Человеческий опыт, реалии и закономерности окружающего мира выражаются в языке и составляют языковую картину мира, различную для каждого народа. К. Леви-Стросс утверждал, что язык одновременно является продуктом культуры, ее важной составной частью и условием ее существования: «... язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов» [11, с. 196]. Современная когнитивная лингвистика исследует культурно-национальное миропонимание, выраженное в устойчивых языковых выражениях, которые, в свою очередь, объективируют исторический, духовный, культурный и жизненный опыт того или иного народа. В. А. Маслова определяет паремии как словесно выраженные «стереотипы народного сознания» [12, с. 43]. Паремии являются репрезентантами национальной языковой картины мира, они фиксируют, сохраняют и передают народный опыт и знания. Анализ паремий позволяет выявить уникальность каждого народа и смысловые константы национально-языкового сознания. Одним из наиболее перспективных направлений лингвистического исследования является сравнение специфических концептов различных лингвокультур для выявления универсальных и уникальных черт национальных концептуальных систем посредством лингвокогнитивного анализа паремиологического материала. Примерами таких исследований являются работы М. А. Кульковой [9], [10], М. Р. Шаймардановой [22], Е. А. Денисовой [10], Т. Г. Цинеккера [21], в которых изучается паремиологический материал русского, немецкого, английского и др. языков.

Изучение паремий, объективирующих стереотипы речевого поведения в русском, американском английском и мексиканском испанском языках, продемонстрировало национальную интерпретацию образа женщины и оценку женской речи в каждой лингвокультуре. Объектом настоящего исследования является образ женщины и его объективация в русских, американских и мексиканских пословицах, содержащих характеристику женской речи. Таким образом, мы определяем цель исследования как выявление универсальных и национальных характеристик женщины в русской, американской и мексиканской лингвокультурах, объективированных в паремиях о женской речевой деятельности.

Основными задачами являются:

- определение универсальных для трех лингвокультур когнитивных, характеризующих женскую речь;
- выявление общих характеристик женщины и женского характера в паремиях русского, американского английского и мексиканского испанского языков, выражающих речевое поведение;
- дефиниция стилистических различий реализации образа женщины в соответствии с национальной спецификой каждой лингвокультуры.

Описание национальных образов русской, американской и мексиканской женщин, выявление их места и роли в обществе с помощью когнитивно-прагматического анализа гендерных паремий, выражающих стереотипы женского речевого поведения, имеют важное значение для понимания языкового менталитета каждой лингвокультуры, для постижения своеобразия национального характера и национальной системы ценностей.

Актуальность исследуемой проблемы. Знания и представления об окружающем мире, типичные для носителей национальных языков, создают национальную языковую картину. Моделирование образов, которые составляют языковые картины различных народов, является одной из задач наиболее интенсивно развивающегося направления современного языкознания – лингвокультурологии. Сопоставительные исследования паремиологического материала различных лингвокультур позволяют определить исторические, культурные и социоэкономические факторы формирования национального характера и национального мировосприятия. В этой связи актуальность темы настоящего исследования обусловлена необходимостью проведения дополнительных научных изысканий, направленных на описание национального характера русского, американского и мексиканского народов. Проведение сопоставительного исследования на материале паремиологических единиц позволяет определить стереотипы речевого поведения, свойственные определенному этнокультурному социуму. Сопоставительное изучение языкового материала является основой для понимания национального характера. Практическая значимость работы объясняется возможностью применения результатов исследования в лекционных курсах по сопоставительному языкознанию, лексикологии, спецкурсах по русской и сопоставительной паремиологии, лингвофольклористике, гендерной лингвистике, а также в практическом курсе английского и испанского языков.

Материал и методы исследования. Для описания достоверного образа речевого поведения женщины в русской, американской и мексиканской лингвокультурах мы используем паремии сопоставляемых народов. Материалом исследования выступают русские, американские и мексиканские паремии, объективирующие женскую речь. Для сбора паремиологического материала мы использовали словари русских пословиц и поговорок под редакцией В. П. Аникина [1], В. И. Даля [3], В. И. Зиминой [4], Л. М. Михайловой [13], И. М. Снегирева [17], словарь американских пословиц под редакцией В. Мидера, С. А. Кингсбури, К. Б. Хардера [26], словарь современных американских пословиц, составленный Ч. Дойлом, М. Мидером, Ф. Шапиро [23], словарь пословиц серии «Пигвиниг» под редакцией Р. Фергюссон [24], словарь мексиканских пословиц под редакцией Х. Перон Мартинеса [27], словарь пословиц, поговорок и фразеологизмов под редакцией Л. Хунседы [25] и сборник мексиканских пословиц под редакцией С. Вимана [28]. Данные источники предоставляют проверенную базу для паремий русского, американского и мексиканского происхождения. Намеренное ограничение изучаемого материала паремиями, объективирующими речевые стереотипы поведения с гендерным компонентом, позволяет провести уникальный анализ гендерных стереотипов в русской, американской и мексиканской лингвокультурах. Одновременно мы понимаем, что ограничение рассматриваемого материала пословицами определенной категории лимитирует количество анализируемого паремиологического материала. Несмотря на немногочисленность пословиц, характеризующих женскую речь и язык женщины, имеющиеся паремии позволяют создать национальный образ женщины в каждом языке. Основными методами исследования выступили метод специальной выборки, позволивший отобрать паремии, содержащие описание женской речевой деятельности; метод сравнительно-сопоставительного анализа паремиологического материала, благодаря которому были выявлены некоторые национальные гендерные стереотипы. Таким образом, настоящее исследование, проведенное на паремиологическом материале русского, американского, английского и мексиканского

испанского языков, позволяет выявить универсальные и уникальные характеристики образа женщины в каждом этнокультурном социуме. В качестве теоретической базы исследования послужили труды А. В. Кирилиной [8], Н. Н. Фаттаховой [20], [21], М. А. Кульковой [9], [10], [21], Е. В. Ивановой [6], Б. Т. Кашароковой [7].

Результаты исследования и их обсуждение. Исследователь А. В. Кирилина определяет гендер как продукт культуры, который «отражает представления народа о женственности и мужественности», зафиксированный в фольклоре, сказках, традициях и, разумеется, в языке. В коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы – упрощенные и заостренные представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола. Гендерные стереотипы – это «культурно и социально обусловленные и прочно закрепленные в общественном сознании мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [8, с. 189]. В настоящем исследовании мы используем понятие когнитемы как пропозициональной единицы знания. Когнитема как единица знания реконструируется при анализе семантического пространства одной или нескольких паремий и является функционально значимой для описания когнитивной модели одной пословицы, фрагмента паремиологической картины мира или всей пословичной картины мира. Е. В. Иванова определяет когнитему как второй после пословицы «строительный блок» пословичной картины мира. «Если представить себе пословичную картину мира как пропозициональное дерево, существующее в трехмерном пространстве и состоящее из узлов-концептов и связей между ними, то основными конструирующими отдельными компонентами этого дерева будут когнитемы» [5, с. 118–119]. Когнитема является средством когнитивного анализа и имеет методологическое значение. Определение общей когнитемы в паремиологических фондах анализируемых языков является намеренным, так как она является основной составляющей единицей когнитивного аппарата исследования. Использование когнитемы как единой когнитивной единицы обусловлено стремлением рационально описать и сопоставить паремиологические картины мира исследуемых языков и выявить оригинальность каждого национального паремиологического фонда и общие модели стереотипов речевого поведения, присутствующие в русском, американском английском и мексиканском испанском языках. Анализ пословиц, выражающих стереотипы речевого поведения, позволяет составить национальный образ женщины и ее речи в русской, американской и мексиканской лингвокультурах.

Когнитема – это единица знания и содержания, выражающаяся вербально. Структуру когнитемы можно определить следующим образом: нижняя граница когнитемы соответствует семантической формуле «концепт + ассоциативная связь + концепт». Данная формула вербально выражается как «слово + слово» или «слово + слово + слово» в зависимости от количества слов, необходимых для выражения концепта. Установление границы когнитемы является условным, так как любой концепт состоит из набора признаков, которые можно разложить на когнитемы; составляющие когнитем, в свою очередь, также могут быть разделены на когнитемы [6, с. 126].

Когнитивно-прагматический анализ паремиологического материала русского, американского английского и мексиканского испанского языков позволяет выделить несколько когнитивных ассоциативных коммуникативно-прагматических фреймов для определения национально-культурной специфики. Коммуникативно-прагматический фрейм содержит группы паремий, которые, в свою очередь, объединены когнитемами. Каждая группа паремий, объединенная когнитемой, являющейся элементом семантического пространства и единицей знания, объективирует определенный речевой стереотип поведения. Коммуникативно-прагматический фрейм позволяет объединять несколько когнитем в смысловые группы для обобщения и систематизации паремиологического материала в процессе определения национальной языковой специфики. Выделение общих когнитем

в паремиях, характеризующих женскую речевую деятельность, позволяет выявить общие и национально-специфические черты образа женщины, ее характера и речевого поведения в рассматриваемых лингвокультурах. Установление ассоциативной связи в пределах одной когнитемы дает возможность определить семантику паремиологического материала, стилистический анализ паремий позволяет выделить средства выражения установленной черты женского характера в каждой языковой культуре.

Андроцентричность – явление историческое и универсальное для многих национальных культур. Стереотип «женщина – слабый пол» исторически возник как результат сравнения физических возможностей женщины и мужчины, идиома «слабый пол» отражает андроцентричность мировосприятия. Однако этот стереотип косвенно употребляется и для описания интеллектуальных способностей женщин. Примеры паремий, выражающие когнитему *Женщины не так умны, как мужчины*, присутствуют во всех трех рассматриваемых лингвокультурах. Например, русские паремии *Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца* [3, с. 245], *Волос долог, да ум короток* [3, с. 244], *Женские умы – что татарские сумы (переметны)* [3, с. 244]; американские паремии *Women are wacky, women are vain: they rather be pretty than have a good brain* [26, с. 669] (*Женщины глупы, женщины тщеславны: они предпочитают быть хорошенькими, нежели умными*) (здесь и далее перевод автора статьи – Л. К.), *Women have long hair and short brains* [24, с. 263] (*У женщин длинные волосы и короткий ум*) демонстрируют второстепенное социальное положение женщины, критикуют женский ум и характер. В мексиканском испанском языке когнитема *Женщины не так умны, как мужчины* выражается в паремиях *Una buena cabra, una buena mula y una buena mujer, son muy malas bestias las tres* [28, с. 94] (*Хорошая коза, хороший осел и хорошая женщина – это три тупых животных*), *La mujer, en sus quehaceres, para eso son las mujeres* [27, с. 316] (*Женщина всегда в своих домашних делах (хлопотах), для этого и существуют женщины*), *La mujer en el hogar, su limpieza, su cocina y su labrar* [28, с. 51] (*Женщина тогда на своем месте, когда она моет, готовит еду и работает*), которые демонстрируют лимитированное социальное положение мексиканской женщины, которая ограничена домашним бытом. Сопоставление женщины с такими животными, как коза и осел, используются для обозначения ограниченных интеллектуальных возможностей женщины. Следует отметить эпитеты *хорошая* женщина и *тупое* животное, которые подчеркивают мексиканский социальный стереотип – «хорошая» женщина не думает, она – «тупое животное». Национальная специфика паремий, объективирующих данную когнитему, проявляется в средствах выражения. Например, русские и американские пословицы используют схожие метафоры: длинные волосы и короткий ум. Ассоциативная связь женщины и коромысла характерна только для русской лингвокультуры, так как коромысло является исконно русским предметом быта. Национальной особенностью русской паремии является сравнение метафора *женский ум – это татарская сума*, выражающая переменчивость женщины, ее непоследовательность. Эта пословица имеет смысл для человека, знающего русскую историю и понимающего исторический контекст, – татары образно характеризуются с помощью метафоры (*сума*) как продажные и переменчивые, ненадежные. Особенностью русских и американских пословиц является использование определенной детали – ум, волос – как определения гендера. Эффект обобщения характерен для русских, американских и мексиканских паремий, в которых описывается не конкретная женщина, а женщины вообще. Использование существительных множественного числа *women* в американских паремиях усиливает эффект обобщения: *все* женщины глупы и тщеславны, это демонстрирует употребление существительного множественного числа – *women* – и придает пословице значение абсолютной истины. Пейоративные коннотации русских, американских и мексиканских паремий о женщинах имеют сходства и различия. Например, в русских паремиях

используются исторически и культурно маркированные метафоры: коромысло, татарские сумы, которые могут быть непонятны представителям других лингвокультур. Американская лингвокультура характеризует женщин как глупых и тщеславных, мотивируя эту оценку желанием женщины быть привлекательной. Это пример национального стереотипа: женщина может быть или только красивой, или только умной, сочетание обоих качеств в женщине невозможно. Мексиканские паремии сравнивают женщину с домашними животными, определяют сферу деятельности женщины утилитарно, женщины – это часть быта в мексиканской культуре. В мексиканских паремиях отсутствуют ссылки на внешность женщины, которые имеются в русских и американских пословицах: долгий волос, длинные волосы. Соответственно, мы не знаем, как выглядит мексиканка, однако паремиологический материал предоставляет сведения о том, что входит в обязанности мексиканской женщины: уборка, приготовление пищи, то есть домашние хлопоты. Таким образом, русские, американские и мексиканские паремии отражают андроцентричность, или мужское мировосприятие: оценка женщины и ее речи производится мужчиной, так как в рассматриваемых культурах традиционно мужчина имеет вышестоящее социальное положение. Современные ученые И. Н. Новикова, Л. Ю. Хамидуллина [14], Е. А. Попова [16], изучая особенности мужской и женской речи, утверждают, что сознание человека «независимо от его пола наскавозь пропитано идеями и ценностями мужской идеологии и ее приоритетами мужского начала, логики, рациональности и объектности женщины» [16, с. 41].

В русской и американской лингвокультурах мы находим многословие как стереотип женского речевого поведения. Данный стереотип речевой деятельности иллюстрируют паремии с когнитивом *Женщины много говорят*. Данная когнитива объективируется в русских паремиях *Ветряна мельница да баба-бездельница мелет без устатку* [13, с. 6], *Две бабы – базар, три бабы – ярмарка* [4, с. 295], *Женщина без разговора – что двор без забора* [1, с. 97], *Не ждет баба спроса, сама все скажет* [1, с. 215], *Где баба, там рынок; где две, там – базар* [3, с. 244], *Три бабы – базар, а семь – ярмарка* [3, с. 244], *Гусь да баба – торг; два гуся, две бабы – ярмарка* [3, с. 244], *Меж бабьим 'да' и 'нет' не проденешь иголки* [3, с. 244] и в американских пословицах *Where there are women and geese, there wants no noise* [24, с. 184] (*Там, где женщины и гуси, там не хочется шума*), *One tongue is enough for a woman* [24, с. 184] (*Женщине одного языка достаточно*), *Three women make a market* [24, с. 184] (*Три женщины – это базар*), *Three women, three geese, and three frogs make a market* [24, с. 184] (*Три женщины, три гуся и три лягушки – это базар*), *Woman's hair is long; her tongue is longer* [24, с. 666] (*Женские волосы длинные, а женский язык еще длиннее*). Следует отметить совпадение метафор в русской и американской лингвокультурах, используемых в создании звуковой ассоциации: женская речь ассоциируется с гусиным гоготом, таким образом, речь женщины характеризуется как шумная и многословная. Сравнение речевой деятельности женщин с базаром и ярмаркой также является акустической метафорой, воспроизводящей образ многословной и эмоциональной речи женщины. Интересно, что в русской и американской лингвокультурах происходит полное совпадение образов, воссоздающих женскую речь, и оценок женской речевой деятельности как шумной и неинформативной. Следует отметить американскую пословицу *Where there are women and geese, there wants no noise* [24, с. 184] (*Там, где женщины и гуси, там не хочется шума*), эта пословица использует ироническое противопоставление в семантике: гуси известны как птицы с громким гоготом, таким образом, логично ожидать от гусей шума, а не тишины. Сопоставление гусей и женщин по количеству производимого звука используется как стилистический прием для создания образа многословной женщины. В прямом значении пословица должна звучать следующим образом: там, где гуси и женщины, там всегда шумно. Использование отрицательной конструкции «не + глагол» в структуре паремии усиливает ироническое противопоставление: ти-

пина там, где гуси и женщины, невозможна. В русских и американских пословицах с когнитивной *Женщины много говорят* используется стилистический прием сопоставления для передачи желаемого образа: количественное – две и три, три и семь – и качественное – торг и ярмарка, рынок и базар. В мексиканском паремиологическом материале мы не нашли паремий, где речь женщины сравнивается с гусящим гогогом или со звуками других домашних животных. Не были обнаружены мексиканские паремии, сопоставляющие женскую речь с базаром или ярмаркой, хотя эти социально-экономические явления существуют в мексиканском социуме. Мы предполагаем, что подобное несоответствие отражает специфику мексиканского мировоззрения и национальной системы ценностей. Например, торговля на рынке и приобретение товара на ярмарке – исконно мужской вид деятельности в мексиканской культуре, женщины, в свою очередь, ограничены домашними и семейными заботами. Мексиканская культура основана на философии «мачизма» – принципа мужского превосходства, в паремиях этот культурный феномен проявляется в сатирической оценке женщины и ее интеллектуальных и физических возможностей, представления женщины как объекта. Мужское превосходство и предвзятость в оценке женской речи проявляется в мексиканских паремиях стилистически, нередко пословицы о женщинах грубы и целенаправленно включают просторечия для создания метафоры. Например, мексиканская паремия *La mujer ha de hablar cuando la gallina quiera tear* [28, с. 51] (*Женщина должна говорить, когда курица захочет совершить акт мочеиспускания*) намеренно строится на сравнении слов женщины и испражнения курицы для создания уничижительного и обесценивающего эффекта. Смысл данной пословицы интерпретируется следующим образом: женщина не должна говорить никогда, так как курица не может совершать «акт мочеиспускания». Мексиканская паремия *La toza parlanchina nunca acaba la tarea* [28, с. 50] (*Болтливая девка никогда дела не заканчивает*) в своем тексте содержит не общепризнанные индикаторы гендера «девушка – la señorita» или «девочка – la chica», а грубое просторечие «девка – la toza», которое усиливает негативную коннотацию в описании разговорчивой женщины. И. В. Гусева утверждает, что излишняя экспрессивность и грубость мексиканских паремий обусловлена осмыслением мексиканцами языковой традиции испанских конкистадоров [2, с. 222]. Использование грубых просторечий как стилистического приема в создании паремии намеренно, этот лингвopsихологический прием применяется для привлечения внимания реципиента. Экспрессивность паремии создает ситуацию шока для слушателя, играет роль своеобразного логического удара. Этот прием намеренного использования вульгарного просторечия характерен для мексиканских паремий и является национально-специфическим для мексиканского испанского языка. Русские пословицы тоже используют просторечия в своей структуре, однако это связано с историческим развитием языка. Так, применение лексемы «баба», которая считается грубой в современном русском языке, не имело негативной коннотации в девятнадцатом веке и ранее. Таким образом, употребление просторечий в тексте русских и мексиканских паремий имеет разные причины и цели: если в русском языке их использование объяснимо историческими процессами в лексике, то в мексиканском испанском языке вульгарные выражения применяются для привлечения внимания реципиента, для создания шокирующего эффекта.

Многословие как характеристика речевой деятельности женщины в мексиканском испанском языке объективируется в когнитивной *Молчание для женщины предпочтительнее, чем речь*. Примером объективации данной когнитивной темы является паремия (*La*) *Mujer y la pera, la que se calla es buena* [25, с. 374] (*Женщина и груша, та, которая молчит, хороша*). Косвенно эта когнитивная тема выражается в мексиканских пословицах *La mujer que te quiere no dirá de ti todo lo que viere* [28, с. 51] (*Женщина, которая тебя любит, тебе не скажет всего, что видит*), которые характеризуют любящую женщину как молчаливую,

молчание приравнивается к выражению любви и заботы. Косвенное выражение мысли является одной из национальных характеристик мексиканских паремий. Например, пословица *La mujer buena no tiene ojos ni orejas* [27, с. 315] (*У хорошей женщины нет ни глаз, ни ушей*) выражает образ идеальной женщины – «*mujer buena*», которая молчит, потому что «не видит, не слышит». Составитель словаря «*Refranero mexicano*» Х. Перон Мартинез так интерпретирует паремию: «Это традиционная пословица в форме полного предложения предлагает образ идеальной женщины, которая не сплетничает» [27, с. 315]. Когнитема *Молчание для женщины предпочтительнее, чем речь* проявляется и в американской лингвокультуре, примером этого является пословица *Silence is a woman's best garment* [24, с. 264] (*Молчание – это лучшее женское украшение*). Исследуемая когнитема объективируется в американской лингвокультуре не только как гендерная, но и как возрастная. В паремиях *Maidens should be seen, and not heard* [24, с. 264] (*Девушек (дев) должно быть видно, но не слышно*), *Maidens must be mild and meek, swift to hear and slow to speak* [24, с. 264] (*Девушки (девы) должны быть мягкими и кроткими, слышать чутко и не торопиться говорить*) используется устаревший термин «*maiden*», который переводится как девушка, дева, невеста. Таким образом, американская культура утверждает, что умение молчать особенно важно для девушек на выданье, которые хотят произвести положительное впечатление на жениха. Умение сдерживать свою речь для женщины в этом контексте является эквивалентом послушания и положительной чертой женского характера. Данные паремии функционируют в языке как совет. Использование модальных глаголов *should, must*, которые грамматически выражают функции совета и долженствования в английском языке, предполагает, что эти паремии употребляются как рекомендация молодых девушкам. Следует отметить различия в реализации когнитемы *Молчание для женщины предпочтительнее, чем речь* в американской и мексиканской лингвокультурах. Американские пословицы прямо проецируют образец речевого поведения для женщины, а мексиканские паремии используют прямое и косвенное выражение сообщения. Так, мексиканские паремии применяют отрицательные конструкции: женщина не скажет, нет ни глаз, ни ушей. Несмотря на изобилие русских пословиц о преимуществе молчания, мы не обнаружили гендерных паремий о женском молчании в сборниках и словарях русского паремиологического материала, используемых в данном исследовании.

В паремиологическом материале русского, американского английского и мексиканского испанского языков можно выделить пословицы, которые выражают когнитему *Содержанию женской речи нельзя доверять*. Примером объективации данной когнитемы являются русские паремии *Не все та правда, что бабы врут* [17, с. 309], *Бабы сплетни хуже плетки секут* [13, с. 5], *Женская лесть без зубов, а с костями сгложет* [3, с. 246] и американские пословицы *A woman's tongue wags like a lamb's tail* [24, с. 264] (*Женский язык виляет, как овечий хвост*), *Women will say anything* [24, с. 264] (*Женщины скажут все что угодно*), *Wherever there is a woman, there is gossip* [26, с. 668] (*Там, где женщина, там сплетни*). В русских паремиях используются сравнительная степень «хуже» и метафоры «сплетни секут», «лесть сгложет», эти стилистические приемы негативно характеризуют женскую речевую деятельность. Следует отметить, что американская паремия тоже содержит метафору «язык виляет» для характеристики недостоверности речи женщины. В мексиканской лингвокультуре данная когнитема объективируется в паремиях *La mujer y la guitarra, responden si se les toca* [27, с. 316] (*Женщина и гитара звучат так, как играющий хочет*), *Chisme de viejas, hasta el infierno no paran* [25, с. 133] (*Старухи сплетничают до тех пор, пока в ад не попадут*), (*El Horno y la vieja, por la boca se calientan* [25, с. 292] (*Печь и старуха ртом греются (согреваются)*). Мексиканцы ассоциируют сплетни как речевую деятельность, характерную для пожилых женщин, которые не обременены домашними заботами. Возрастную специфику в паремии усиливает ссылка

на ад как метафора приближающегося конца жизни. Мексиканские паремии используют в тексте паремий национальные маркеры, например, гитару как популярный инструмент фольклорной музыки мариачи, упоминание печи как элемента мексиканского быта, национального интерьера, проживание с пожилыми родственниками в одном доме как культурной традиции сосуществования нескольких поколений. Паремии с когнитивной *Содержанию женской речи нельзя доверять* являются примером андроцентричного мировосприятия, так как устойчивые языковые выражения определяют содержание речи как неточное, как сплетни. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает следующую дефиницию сплетни: «слух о ком-чем-н., основанный на неточных или заведомо неверных сведениях» [15, с. 756]. Лесть определяется как «лицемерное, угодливое восхваление» [15, с. 277]. Национальное своеобразие выражения когнитивной мы видим в употреблении национальных маркеров: русская плетка, мексиканская гитара; в использовании зооморфной метафоры «язык виляет как овечий хвост» в американской пословице. Только в русской лингвокультуре мы видим характеристику женской речи как льстивой, в американских и мексиканских паремиях о лести и льстецах нет гендерного элемента.

Анализ паремий, характеризующих женскую речевую деятельность, продемонстрировал, что женщины используют не только слова для передачи информации. Женская речь – это и громкость, и тон сказанного, и жестикация. Женщины часто не говорят прямо, они используют жестикацию и мимику как средства коммуникации. Американские паремии *What woman has to say above a whisper isn't worth listening to* [26, с. 668] (*То, что женщина говорит громче шепота, не стоит слушать*), *When a woman is speaking, listen to what she says with her eyes* [26, с. 668] (*Когда женщина говорит, слушай, что она говорит глазами*) иллюстрируют многоплановость речи женщины. Например, для описания женской речи используются метафора «говорит глазами» и сравнение «шепот и речь громче шепота». Синтаксическое построение американских пословиц имеет двухчастную конструкцию: описание речи женщины «когда женщина говорит» или содержание сказанного «то, что женщина говорит» является первой частью паремий, вторая часть советует реципиенту – «слушай», «не стоит слушать» – бенефактивное действие. Национальный женский характер иллюстрируют мексиканские паремии: *La mujer habladora, duelos tienen donde mora* [28, с. 51] (*Говорящая женщина всегда на свою жизнь сетует*), *La mujer que de día calla por la noche manda* [28, с. 51] (*Женщина, которая днем молчит, ночью ругается*). Данные пословицы описывают женщину как жалующуюся и недовольную. Следует отметить временную специфику речевого действия: *женщина молчит днем* – подразумевается, что в присутствии посторонних, *ругается ночью* – только мужу высказывает недовольство. Специфику семейной коммуникации демонстрируют мексиканские паремии *Entre marido y mujer nadie se debe meter* [28, с. 39] (*В отношении между мужем и женой никто не должен вмешиваться*), *Entre marido y mujer, sólo paz hay que poner* [28, с. 39] (*Между мужем и женой только согласие (мир) должно быть*). Можно сделать вывод, что мексиканка не будет публично выражать свои мысли, но в кругу близких женщина будет разговорчива и откровенна. В мексиканской культуре общение между супругами является глубоко интимным, поэтому мы можем предположить, что мексиканцы не будут обсуждать определенные темы с посторонними. Только в мексиканском паремиологическом материале мы нашли пословицу, использующую прямую речь для выражения речевой деятельности женщины. Паремия *No creas, marido, lo que vieres, sino lo que os dijere* [25, с. 391] (*Не верь, муж, тому, что видишь, а верь тому, что я тебе говорю / Не верь, муж своим глазам, а верь моим словам*) уникальна, так как это единственная паремия, в которой женская речь воспроизведена от первого лица. Мексиканская пословица является иллюстрацией семейной динамики и одновременно демонстрирует

национальный женский характер. Паремия использует синтаксический параллелизм и антитезу – «не верь – верь; глаза – слова; своим – моим» – для создания образа находчивой и убедительной мексиканской женщины. Использование императивов и прямой речи в структуре данной поговорки усиливает эффект женской речи.

Андроцентрично иллюстрируют семейные взаимоотношения русские паремии *С болтливой женой хлопот не оберешься* [1, с. 275], *Не та хозяйка, которая красно говорит, а та, которая щи хорошо варит* [1, с. 226]. Анализ русского паремиологического материала демонстрирует негативное отношение к женской речевой деятельности. Многословной женщине, жизнь с которой будет хлопотная, противопоставляется положительная «хозяйка», которая хорошо готовит. Негативно описывают женскую речь русские паремии: *Бабий язык – чертovo помело* [4, с. 363], *Не всяку правду жене сказывай* [17, с. 312], *Собака умнее бабы: на хозяина не лает* [3, с. 244]. Сравнение женщины и собаки и применение зооморфной метафоры усиливает негативную характеристику женщины и ее речи. Использование отрицательной конструкции «не всяку правду» и императива «сказывай» усиливает негативную коннотацию возможного речевого действия. Метафора «язык – помело» имеет исконно русскую этимологию, отражает быт русской деревни и также имеет связь с русским фольклором. В русских сказках помело является атрибутом ведьмы, Бабы Яги, таким образом косвенно негативно оценивается женская речь.

Анализ паремий, выражающих речевую деятельность, продемонстрировал, что женская речь в ряде случаев представлена как эффективная. Наряду с паремиями, характеризующими женскую речевую деятельность как малоинформативную, нам встретились поговорки, в которых данный вид деятельности оценивается как достаточно эффективный. Мы нашли доказательства, что женщины, являясь «слабым полом», используют язык и речь как средство защиты и действенное оружие. Когнитема *Язык – это женское оружие / средство защиты* выражается в русской поговорке *Бабий язык, куда не завались, достанет* [3, с. 245] и в американских паремиях: *A woman's tongue is the only sharp-edge tool that grows sharper with use* [26, с. 605] (*Женский язык – это единственный острый инструмент, который становится острее от использования*), *A woman's sword is her tongue, and she does not let it rust* (*Женский язык – это ее меч, и она не дает ему заржаветь*), *A woman's tongue is the last thing about her that dies* [24, с. 264] (*Женский язык – это последнее, что в ней умирает*), *A woman's strength is in her tongue* [26, с. 666] (*Сила женщины в ее языке*), *A woman fights with her tongue* [26, с. 605] (*Женщина воюет своим языком*). Следует отметить, что большинство паремий с данной когнитемой существует в американской лингвокультуре. Метафора как стилистическое средство используется в американских паремиях с когнитемой *Язык – это женское оружие / средство защиты* для создания образа. Американские паремии с данной когнитемой отражают развитие феминизма в США. Эволюцию роли женщины в социальной, политической и экономической сферах демонстрируют американские антипоговорки. Термин «антипоговорки», или anti-proverbs, был создан исследователем В. Мидером, этот термин определяет процесс перефразирования исторических паремий и их функционирования в новом значении. Например, поговорка *A woman's work is never done* [26, с. 666] *Женская работа никогда не заканчивается* в новой интерпретации звучит следующим образом: *A woman's word is never done* [23, с. 280] (*Женское слово никогда не заканчивается*). Новое значение имеет антипоговорка *Woman's place is any place she wants to be* [23, с. 279] (*Женское место везде, где она хочет быть*), которая заменила паремии *A woman's place is in the home* (*Женское место в доме*), *A woman's place is beside her husband* [26, с. 666] (*Женское место рядом с ее мужем*). Процесс переосмысливания и перефразирования паремий демонстрирует эволюцию социальных и гендерных отношений в американском обществе, которое исторически является полилингвальным и мультикультурным. Синтез европейских, исконно

американских, африканских и азиатских культур, религий и рас в США создает уникальную полифоничность американской культуры, которая проявляется как черта национального характера американца. Стремление к равнозначной репрезентации всех культур, рас и религий также выражается в тенденции к гендерному равноправию во всех сферах жизни и в мировосприятии. Важно отметить, что эволюция паремиологического материала в американском английском языке задокументирована в словаре современных пословиц «The Dictionary of Modern Proverbs» Ч. Дойла, В. Мидера и Ф. Шапиро [23]. Можно предположить, что процесс переосмысливания и перефразирования исторических паремий универсален для всех лингвокультур, он объективно отражает современное мировосприятие. В сравнении с американской культурой мексиканская и русская культуры более однородны и традиционны, поэтому менее подвержены изменениям. Однако вероятно, что процесс переосмысления и перефразирования паремий возможен и в русском, и мексиканском испанском языках в историческом соответствии с социальными изменениями, хотя в настоящее время у нас нет доказательств того, что данный языковой процесс все-таки происходит в русской и мексиканской лингвокультурах.

Выводы. Сопоставительный анализ русских, американских и мексиканских паремий, объективирующих женскую речевую деятельность, позволяет нам сделать следующие выводы: женский образ в трех лингвокультурах имеет универсальные характеристики для русского, американского английского и мексиканского испанского языков. Женщина представлена как многословная личность, женская речь характеризуется как недостоверная, поэтому женщине и ее словам нельзя верить. Женщина-сплетница также является универсальной характеристикой представительниц слабого пола, однако в мексиканской культуре эта черта женского характера ассоциируется с пожилым возрастом. Женщина представлена как неравнозначный партнер мужчине по социальному положению. Трех сопоставляемым языковым культурам присущ андроцентризм, однако в американском английском языке мы нашли свидетельства феминизации американского сообщества через процесс переосмысления и перефразирования классических пословиц. Эта национальная характеристика обусловлена полифоничностью американской культуры, которая отличается многообразием рас, религий и цивилизаций. Женская речь многопланова, она не ограничивается словами, женщина находит самовыражение в языке. Она использует слова как оружие против мужчин и средство самозащиты. Многообразие стилистических языковых средств, таких как метафора, антитеза, сравнение и синтаксический параллелизм, для создания образа женщины и ее речи в паремиях иллюстрирует многоаспектность женской речи.

Выделение когнитивом для сравнения и сопоставления объединенных общей темой паремий в трех языках позволило выделить общее и национальное в каждой группе паремий о женской речи. Анализ когнитивом позволяет утверждать, что универсальной для трех лингвокультур положительной чертой женского характера является молчание, говорливая жена ассоциируется с потенциальными проблемами и жалобами. Выявление ассоциативных связей в рамках когнитивом позволяет определить стереотипные представления: женская речь недостоверна, считается шумной и многословной. Национальная специфика лингвокультуры проявляется в употреблении национально специфических элементов быта, например, в текстах русских пословиц используются плетка, помело, коромысло, щи и др., в американских пословицах мы находим следующие примеры: *sword, sharp-edged tool, garment*. В мексиканских пословицах упоминаются следующие бытовые реалии: гитара, печь, а также традиция совместного проживания нескольких поколений. Уникальной особенностью мексиканских пословиц является намеренное применение грубых просторечий в тексте паремий для создания шокирующего эффекта. Применение зооморфных метафор и сравнений в паремиях также выражает национальную уникаль-

ность каждой лингвокультуры. Так, в русской поговорке женская речь сравнивается с лаем собаки. В американских поговорках мы находим ссылки на таких животных, как гуси и лягушки, а женский язык сравнивается с хвостом овцы. В мексиканских поговорках упоминаются осел, курица и коза. В русских и мексиканских поговорках активно используются негативные конструкции, в американских поговорках отрицательные конструкции почти не встречаются и употребляются модальные глаголы для описания речевого поведения. Только русская поговорка описывает женскую речь как льстивую, то есть лицемерную. В американских и мексиканских поговорках этот эпитет как гендерный не применяется. Поговорки всех трех рассматриваемых языков активно используют такие стилистические приемы, как эпитет, метафора, сравнение, антитеза и параллелизм для характеристики речевой деятельности женщины. Мексиканские поговорки о женской речи также характеризуют специфику семейной коммуникации, уникальную для этого народа. Следует отметить универсальный характер традиционного стереотипа о женщине как неравнозначном партнере мужчины. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры поговорок в трех рассматриваемых лингвокультурах. Только в американской лингвокультуре мы нашли доказательства изменения национального стереотипа о женщине и ее речи, которое отображает процесс переосмысления и перефразирования традиционных поговорок.

Знание гендерных культурных особенностей является необходимым в современном процессе коммуникации. Изучение поговорок, объективирующих стереотипы речевого поведения в различных лингвокультурах, необходимо для осознания культурных, психологических и социальных факторов глобального общества, выражающихся в современном коммуникативном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В. П. Русские поговорки и пословицы. – М. : Художественная литература, 1988. – 431 с.
2. Гусева И. В. Особенности фразеологии мексиканского национального варианта испанского языка // Вестник МГИМО. – 2012. – № 4. – С. 219–223.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М. : Астрель, 2003. – 736 с.
4. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских поговорок, поговорок и метких выражений. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2010. – 736 с.
5. Иванова Е. В. Мир в английских и русских поговорках. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та ; Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 280 с.
6. Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04, 10.02.20. – СПб., 2003. – 415 с.
7. Кашарокова Б. Т. Пословицы русского, немецкого и кабардино-черкесского языков как источник изучения культурно-языкового сознания: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. – Краснодар, 2004. – 283 с.
8. Кирилина А. В. Гендер. Лингвистические аспекты. – М. : Ин-т социологии РАН, 1999. – 155 с.
9. Кулькова М. А. Русские и немецкие поговорки: когнитивно-дискурсивный подход к изучению : учебное пособие. – Казань : Печать-Сервис-XXI век, 2012. – 214 с.
10. Кулькова М. А., Денисова Е. А. Структурно-семантическая характеристика русских и немецких поговорок, содержащих прохибитивные конструкции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12(78) : в 4 ч. Ч. 3. – С. 131–133.
11. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М. : Республика, 1994. – 384 с.
12. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М. : Академия, 2001. – 183 с.
13. Михайлова Л. М. 20000 русских поговорок и поговорок. – М. : Центрполиграф, 2010. – 384 с.
14. Новикова И. Н., Хамидуллина Л. Ю. К вопросу об особенностях мужской и женской речи // Наука и современность. – 2013. – № 25. – С. 78–83.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
16. Попова Е. А. Об особенностях речи мужчин и женщин // Русская речь. – 2007. – № 3. – С. 40–49.
17. Снегирев И. М. Русские поговорки и притчи. – М. : Эксмо, 2010. – 576 с.
18. Тарасова Е. С. Образы мужа и жены в английской и русской поговорочности: лингвокультурный аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. Выпуск 5. – С. 363–367

19. *Фаттахова Н. Н.* Семантика альтернативной мотивации в народных приметах // Вестник ТГГПУ. – 2015. – № 2(40). – С. 122–126.
20. *Фаттахова Н. Н., Кулькова М. А.* Народные приметы: синтаксис и прагматика (на материале русского, татарского и немецкого языков). – М.: Флинта : Наука, 2015. – 256 с.
21. *Цинеккер Т. Г.* Паремнологические средства экспликации социальных стереотипных представлений русских и немцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 7. – С. 284–288.
22. *Шаймарданова М. Р.* Прагмалингвистический анализ паремий с гендерным компонентом, выражающих интенцию предостережения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4(58) : в 3-х ч. Ч. 2. – С. 176–179.
23. *Doyle C., Mieder W., Shapiro F.* The Dictionary of Modern Proverbs. – New Haven ; London. : Yale University Press, 2012. – 294 p.
24. *Fergusson R.* The Penguin Dictionary of Proverbs. – NY : Penguin Books, 1983. – 331 p.
25. *Junceda L.* Diccionario de refranes, dichos y proverbios. – Madrid : Espasa Calpe, 2006. – 750 p.
26. *Mieder W., Kingsbury S. A., Harder K. B.* A Dictionary of American Proverbs. – NY : Oxford University Press, 1992. – 710 p.
27. *Pérez Martínez H.* Refrano mexicano. – México. : Academia Mexicana, 2004. – 458 p.
28. *Viman S. A. de C. V.* El libro de todos los refranes. – México : Galaxia del Libro, 2008. – 96 p.

Статья поступила в редакцию 20.07.2020

REFERENCES

1. *Anikin V. P.* Russkie posloviy i pogovorki. – М.: Hudozhestvennaya literatura, 1988. – 431 s.
2. *Guseva I. V.* Osobennosti frazeologii meksikanskogo nacional'nogo varianta ispanskogo yazyka // Vestnik MGIMO. – 2012. – № 4. – С. 219–223.
3. *Dal' V. I.* Posloviy russkogo naroda. – М.: Astrel', 2003. – 736 s.
4. *Zimin V. I.* Slovar'-tezaurus russkikh poslovic, pogovorok i metkih vyrazhenij. – М.: AST-Press Kniga, 2010. – 736 s.
5. *Ivanova E. V.* Mir v anglijskikh i russkikh poslovicah. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta ; Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2006. – 280 s.
6. *Ivanova E. V.* Poslovichnaya konceptualizaciya mira : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.04, 10.02.20. – SPb., 2003. – 415 s.
7. *Kasharokova B. T.* Posloviy russkogo, nemeckogo i kabardino-cherkesskogo yazykov kak istochnik izucheniya kul'turno-yazykovogo soznaniya: strukturno-semanticheskij i linvokul'turologicheskij aspekty : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.20. – Krasnodar, 2004. – 283 s.
8. *Kirilina A. V.* Gender. Lingvisticheskie aspekty. – М.: In-t sociologii RAN, 1999. – 155 s.
9. *Kul'kova M. A.* Russkie i nemeckie paremi: kognitivno-diskursivnyj podhod k izucheniyu : uchebnoe posobie. – Kazan' : Pechat'-Servic-XXI vek, 2012. – 214 s.
10. *Kul'kova M. A., Denisova E. A.* Strukturno-semanticheskaya harakteristika russkikh i nemeckikh poslovic, soderzhashchih prohibitivnye konstrukcii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 12(78) : v 4 ch. Ch. 3. – С. 131–133.
11. *Levi-Stross K.* Pervobytnoe myshlenie. – М.: Respublika, 1994. – 384 s.
12. *Maslova V. A.* Lingvokul'turologiya. – М.: Akademiya, 2001. – 183 s.
13. *Mihajlova L. M.* 20000 russkikh poslovic i pogovorok. – М.: Centrpoligraf, 2010. – 384 s.
14. *Novikova I. N., Hamidullina L. Yu.* K voprosu ob osobennostyah muzhskoj i zhenskoj rechi // Nauka i sovremennost'. – 2013. – № 25. – С. 78–83.
15. *Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.* Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – М.: Azbukovnik, 1997. – 944 s.
16. *Popova E. A.* Ob osobennostyah rechi muzhchin i zhenshchin // Russkaya rech'. – 2007. – № 3. – С. 40–49.
17. *Snegirev I. M.* Russkie posloviy i pritchi. – М.: Eksmo, 2010. – 576 s.
18. *Tarasova E. S.* Obrazy muzha i zheny v anglijskoj i russkoj paremiologii: linvokul'turnyj aspekt // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – Т. 12. Vypusk 5. – С. 363–367.
19. *Fattahova N. N.* Semantika al'ternativnoj motivacii v narodnyh primetah // Vestnik TGGPU. – 2015. – № 2(40). – С. 122–126.
20. *Fattahova N. N., Kul'kova M. A.* Narodnye primety: sintaksis i pragmatika (na materiale rus-skogo, tatarskogo i nemeckogo yazykov). – М.: Flinta : Nauka, 2015. – 256 s.
21. *Cinekker T. G.* Paremiologicheskie sredstva eksplikacii social'nyh stereotipnyh predstavlenij russkikh i nemcev // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – Т. 12, vyp. 7. – С. 284–288.

22. Shajmardanova M. R. Pragmalingvisticheskiy analiz paremij s gendernym komponentom, vyrazhayushchih intenciyu predosterezheniya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 4(58) : v 3-h ch. Ch. 2. – S. 176–179.
23. Doyle C., Mieder W., Shapiro F. The Dictionary of Modern Proverbs. – New Haven ; London. : Yale University Press, 2012. – 294 p.
24. Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. – NY : Penguin Books, 1983. – 331 p.
25. Junceda L. Diccionario de refranes, dichos y proverbios. – Madrid : Espasa Calpe, 2006. – 750 p.
26. Mieder W., Kingsbury S. A., Harder K. B. A Dictionary of American Proverbs. – NY : Oxford University Press, 1992. – 710 p.
27. Pérez Martínez H. Refrano mexicano. – México. : Academia Mexicana, 2004. – 458 p.
28. Viman S. A. de C. V. El libro de todos los refranes. – México : Galaxia del Libro, 2008. – 96 p.

The article was contributed on July 20, 2020

Сведения об авторе

Касерта Лилия Фидарисовна – соискатель кафедры теории и практики преподавания иностранных языков Института филологии и международной коммуникации Казанского (Приволжского) Федерального университета, старший преподаватель английского языка кафедры английского языка, литературы и мировых языков государственного университета им. В. Ферриса, г. Биг Рапидс, штат Мичиган, США; e-mail: casertal@ferris.edu, casertalilia91@gmail.com

Author information

Caserta, Lilia Fidarisovna – Applicant of the Department of Theory and Practice of Teaching Foreign Languages, Institute of Philology and International Communication, Kazan (Volga region) Federal University, Senior Lecturer of the Department of English, Literature and World Languages, Ferris State University, Big Rapids, Michigan, USA; e-mail: casertal@ferris.edu, casertalilia91@gmail.com